

С психологическими наблюдениями, с элементами человековедения, заключенными в древнерусских поучениях и афоризмах, связан вопрос об элементах реалистичности в изображении действительности в памятниках древнерусской литературы, — вопрос, по поводу которого так горячо спорили в последние годы.⁴⁷

В чем же заключается вклад этого вида древнерусской литературы (основное назначение которого было, несомненно, строго практическим) в подготовку почвы для создания литературных характеров?

Суть воззрений учительной литературы на душевный мир человека можно передать следующими положениями:

человек «самовластен» — своей волей совершает поступки, ведущие к добру или злу, к правде или неправде;

именно «деяния» определяют положительную или отрицательную оценку данной человеческой личности;

из всех свойств человека самым ценным признается ум («разум», «смысл») — он лучше видит, чем зрение, лучше слышит, чем слух;

вместе со словом разум отличает человека от животного, ум следует развивать «наказанием» (учением), а словом надо пользоваться с осторожностью, помня его силу, которая может быть и полезна, и вредна человеку;

труд — основа жизни («праздный да не яст»), отсюда резкое осуждение лени, праздности, пьянства — всего, что отвлекает от труда;

человек обязан уметь владеть собою, быть искренним, нелицеприятным в отношениях с окружающими, помогать каждому, кто нуждается в помощи, не рассчитывая, «достоин» ли он ее.

Все «страсти», нарушающие эти нормы человеческого поведения, глубоко анализируются с точки зрения их вредного воздействия и на самого человека, и на его близких.

Когда учительная литература и в ее составе афоризмы показывают человеку, каким он должен быть, они подчиняют свои требования «этикету» — христианской этике в ее феодальном варианте. Но когда они описывают реальное поведение человека (уже независимо от этого этикета), перед нами раскрываются сложность «нрава», «помыслов» и поступков человека, трудности человеческих взаимоотношений, несправедливости социального строя. Учительная литература смелее и глубже, чем другие жанры средневековой русской литературы, раскрывает временное в жизни и отдельного человека, и целых групп людей, хотя в своей оценке этого временного исходит из определенных, с точки зрения средневековья, вечных норм. Эти нормы, однако, далеко не всегда определяются социальным положением того, кому предъявляется данное требование, дается совет, предостережение (богату, властелину, судьбе и т. д.). В учительной литературе многое обращено к человеку вообще, независимо от занимаемого им места в обществе. Здесь гораздо яснее выступает воздействие на поведение человека обстоятельств его частной (личной) жизни: он представлен не в обстановке важных исторических событий, где все его поведение изображается в соответствии с требованиями эпохи, а в условиях повседневного быта. И в этих условиях человек должен помнить о «вечном». Но учительная литература показывает человека не только таким, каким он должен быть, но и таким, каков он на самом деле, учит его вдумываться в свой «нрав», в свои «помыслы», направлять к «должному» свои поступки. Именно эти задачи учительных

⁴⁷ Об итогах дискуссии по этому вопросу см.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Изд. 2. М., 1970, стр. 157—158 (Далее: Человек в литературе).